

Люсия Веденская

**ГРАФИНЯ
НА ПЕРЕВОСПИТАНИЕ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
В26

В26 **Веденская Л.**
Графиня на перевоспитание / Люсия Веденская – М.: Литнет, 2026. – 260 с.

ISBN 978-5-524-00566-3

Очнуться не в привычной современной Москве, а в викторианской Англии – уже шок. А если в теле женщины, про которую рассказывают страшилки?

Теперь я – графиня. Вампир. Чудовище, которого боится собственная прислуга.

У меня двое приемных детей – трехлетняя малышка и серьезный мальчик лет пяти. Милые, доверчивые... и выращенные на убой.

И теперь я, обычная двадцатитрехлетняя студентка с дипломом магистра истории и нулевым опытом материнства, должна:

- стать мамой приемным детям;
- не сгореть на солнце;
- разобраться, кто я теперь вообще такая;
- понять, почему один подозрительно красивый джентльмен упорно сует нос в мой гроб.

В тексте есть:

#неунывающая героиня-попаданка

#благородный главный герой

#готический особняк

#двое детей

#любовь и ХЭ

#немного крови, много кофе

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00566-3

© Литнет, 2026
© Л. Веденская, 2026

Глава 1. Кем вы себя видите через пять лет?

Когда я поступала на исторический факультет, мне казалось, что это единственно правильный выбор. Ну, а что? Разве могут быть сомнения? Ведь история – это так интересно. Особенно викторианская Англия с ее душными корсетами, обязательным чаем в пять часов и любовными письмами, из-за которых очень хочется плакать и писать диссертацию про выражение чувств через текст.

С момента, когда я приняла решение о поступлении, так быстро пролетело время. И, вот, здравствуйте, я выпускница. Гуманитарий в дикой природе. Безработная, слегка потрепанная сессиями и дипломом, который, кстати, как ты его ни крути, все равно маслом не намажешь и не съешь.

Но на сегодня мы с моими уже бывшими одногруппниками договорились встретиться, чтобы узнать, кто и как обосновался в той самой взрослой жизни. По такому случаю я даже попыталась выглядеть как человек, а не как библиотечный призрак в свитере на два размера больше, в котором я частенько являлась на пары, не успев собраться.

На пути к кафе я мысленно проигрывала разговор. Диалог, справедливости ради, получался не ахти.

– Чем сейчас занимаешься? – мог спросить меня кто-то из знакомых.

– Чем занимаюсь? Сплю до одиннадцати и ищу работу, которая очень хорошо прячется. А ты?

Кто-то, возможно, уже устроился помощником помощника музейного зрителя. Кто-то пошел в аспирантуру, упорно игнорируя тот факт, что бесплатная магистратура закончилась ничем, как, впрочем, и надежда на нормальный график сна. Кто-то, страшно сказать, пошел работать не по специальности. Это, конечно, звучало как трагедия, но зато хоть кто-то из выпускников теперь регулярно виделся с деньгами.

Я шла и думала: а что, если все это зря? Если все эти годы, проведенные в пыльных архивах и мечтах о преподавании (это я еще не говорю об эссе на тему «Формирование буржуазной морали», которое буквально пыталось меня убить) – это была лишь большая, красивая ловушка?

Хотя нет. Зря – это когда ты идешь на менеджера в нефтегазовую отрасль, где нужно коммуницировать с сильными мира сего, а потом выясняется, что ты боишься говорить по телефону. А я, по крайней мере, знаю, кто такая королева Виктория, и могу без запинки рассказать о роли шляп в классовом расслоении. Значит, обучение прошло успешно!

Было ли оно непрактичным? Возможно. Бесплезным? Наверное. Зато у меня от природы отличное воображение. А это почти наверняка важнее всех дипломов на свете.

На встречу выпускников я пришла первой. Решила не жить по старой традиции и не опаздывать: опоздать на пару – это одно, но опоздать на прощальную вечеринку – как-то уж слишком символично.

Кафе оказалось небольшим, с деревянной мебелью под винтаж, подозрительно дорогими круассанами и плакатами с бесконечными надписями на все лады «Лавка времени». Очень в духе нас, историков. Только если бы это была действительно лавка времени, я бы попросила билетик в Лондон 1888-го. Ну или хотя бы абонемент в XIX век, бессрочный. Очень уж хотелось мне своими глазами посмотреть ту эпоху, на которую я и без того потратила несколько лет жизни. Вот только желательно, чтобы это путешествие в прошлое проводилось с возможностью вернуться по нажатию на кнопку «отменить». Впрочем, плакаты были такие же подозрительные, как и круассаны (надеюсь, что выпечка хотя бы была настоящей), поэтому, очевидно, подобный абонемент тут бы никто мне не выдал.

Сразу после меня пришла Кира. Как всегда идеально выглядящая, в легком пальто цвета марсала (она-то и научила всю группу

выговаривать самые разные странные цвета) и с новой короткой стрижкой. Та же самая Кира, что на первом курсе плакала из-за оценки «четыре» и писала конспекты цветными ручками. А концу учебы стала одной из самых сдержанных и знающих себе цену выпускниц.

– Ну что, Леденцова, – сказала она, садясь рядом. – Поздравляю нас! Мы это закончили! Как ощущения?

– Будто выкинули из теплого автобуса в тундру, – честно призналась я. – А у тебя?

– Я иду в UX-дизайн, – Кира сказала это так, словно признавалась в вероотступничестве. – Уже взяли на хорошие курсы. Придумала легенду, что всю жизнь мечтала рисовать кнопки, мне и поверили.

– А как же королева Виктория?

– Переезжает в папку «хобби».

Следом пришел Леня. Такой же раздолбай, как и всегда, в куртке с нашивкой Joy Division и с таким видом, что единственный достоверно знает, где закопан великий Карл Маркс. Хотя, скорее всего, его выражение лица было обусловлено стандартным для всех студентов исторического недосыпом.

– Лень, не говори, что ты идешь в стартап. Или хуже – в преподавание, – сказала я на всякий случай, не желая слушать еще один дизайнерский план на жизнь.

Он фыркнул в ответ:

– Я иду на курсы бариста. За кофе хотя бы платят и не требуют уметь читать по-латыни. Ну и... я пишу музыку. Точнее, звуковые ландшафты. Это как если бы Бах жил в гараже и страдал.

Мы с Кирой хором выдали:

– Ты уже как Бах.

Чуть позже подтянулась Вика, которая с третьего курса увлекалась готикой и говорила, что будет писать собственную книгу про «миф о смерти в викторианском сознании». Сейчас у нее были фиолетовые волосы и кольцо с черепом, которому позавидовал бы сам

Лорд Байрон. Она, явно предвкушая вопрос в свой адрес, заявила почти с порога:

– Я поступила в магистратуру по культурологии. Вступительное эссе было про вампиров.

– Реальных или литературных? – с подозрением уточнил Леня.

– А есть разница? – искренне удивилась Вика. Мы хохотнули. Было в этом что-то ироничное: мы, люди с дипломами (кто-то даже с красным), обсуждали вампиров за капучино с миндальным молоком, и никто из нас не собирался становиться историком в классическом смысле этой профессии.

Мы действительно почти бесконечно пили кофе, в ожидании, пока подтянутся остальные, вспоминали, как один препод ставил оценки, ориентируясь на длину подстрочника к конкретной работе, или как мы потерялись в Лувре на практической (повезло, что вообще смогли туда поехать) и как кто-то однажды проспал зачет по Средневековью, потому что завис в Skyrim, отыгрывая там один из исторических сценариев для легкого запоминания.

И в какой-то момент я поймала себя на очень простой мысли: мы, может, и не знаем, что будет дальше и не всегда довольны тем, что уже случилось, но это был правильный путь. Наш. По-своему нелепый и несуразный, но настоящий. Да и разве бывает студенчество другим?

Только в кафе я еще не знала, что мое «дальше» начнется раньше, чем я допью свой чай.

Глава 2. Непредвиденные обстоятельства

Когда я вернулась домой, в квартире было тихо. Слишком тихо по сравнению с тем шумным кафе, где, набившись за одним столом, мы шутили интеллектуальные и не очень шутки, едва успевая вставить пару слов между взрывами смеха. Впрочем, жила я одна, так что чего, кроме тишины можно было ожидать от моей квартиры? Явно не фанфар.

Я поставила на плиту чайник, но так и не включила его. Скинула куртку на спинку стула, сбросила кроссовки, забыв сразу разуться на входе, и оставила сумку на полу. Ощущение было странным: не то чтобы одиночество, скорее, пауза, как будто обычная жизнь и ругань взяла передышку и не изволила мне сообщить, когда вернется в норму.

Учеба еще закончилась, действительно взрослая жизнь с работой и всем прочим еще не началась. Как можно было назвать этот период между? Кем я была в тот момент?

Размышляя над этим глубоким вопросом, я уселась на подоконник – любимое место для всех философских кризисов. Под окнами светили фонари, лениво ехали машины, будто знали, что за поворотом их не ждем ничего экстраординарного и спешить некуда. И вот тогда неожиданная мысль пришла в голову сама собой:

«А ведь с моими знаниями – да в самую Викторианскую Англию!»

На самом деле я и правда могла бы устроиться там кем угодно: личным консультантом для молодых лордов, которым стоит напоминать время от времени, почему не стоит пытаться вызвать дух Уильяма Блейка. Или придворным советником по шляпам, я столько их видов знала... Или, в конце концов, могла бы стать обычным человеком, настоящей англичанкой, знающей, как выжить среди корсетов, избежать холеры и соответствовать социальным нормам, которые

довели бы любого современного человека, не изучавшего историю, до нервного тика.

Жаль, что в Викторианскую эпоху не уедешь по студенческому обмену. Да и студенческие льготы закончились с получением диплома.

Я фыркнула. Бессмысленно мечтать о невозможном. С таким же успехом можно планировать летний отпуск в Средиземье, тоже, кстати, приятное местечко. Но все равно мысль про Англию крепко засела – не выкинуть. Как любимая цитата из песни, мотив которой уже даже не можешь повторить, но текст все равно крутишь и крутишь в голове.

И в этом состоянии – между самоутгрызениями и внутренним стендапом – я зачем-то пошла в ванную. Видимо, просто захотелось смыть с себя прошедший день, запах кофейни, разговоры и ощущение, что все вокруг куда-то если не едет, то, как минимум, катится, а ты стоишь на остановке, ожидая опаздывающий автобус, но даже не зная его маршрута.

Я шагнула в ванну и, как водится, поскользнулась в самый неподходящий момент. В целом это было предсказуемо, потому что такова моя то ли судьба, то ли натура: философствовать я могла часами, а вот соблюдать технику безопасности – ни минуты.

Я не успела ни вздохнуть, ни выругаться. Только и услышала глухой удар, который сама же и «произвела». Бортик ванны столкнулся с моим затылком. Это оказалось больно, обидно и невероятно глупо.

Но все-таки я нашла в себе силы собраться и села, держась за голову. Все внутри пульсировало, я почти физически ощущала пострадавший от удара мозг. Мир визуально немного накренился, как лодка, на которую сел слишком толстый пассажир.

– Прекрасно, Леденцова, – пробормотала я. – Вот тебе и путешествие. Ты же так хотела! Бесплатный тур по своей же черепной коробке. Бонусом – поездка в травмпункт.

Я выждала минут пять, если не больше, надеясь, что «вертолетки», «звездочки» или как там еще называют последствия удара головой пропадут. Смогла встать и сесть на край ванны. Старалась дышать глубоко и ровно, даже обрадовавшись, что меня не тошнило – вероятность сотрясения в этом случае уменьшалась. В глазах не двоилось, сознание я вроде бы не теряла. И даже мысли звучали вполне связно – насколько вообще мои мысли когда-либо бывали связными.

На всякий случай я поставила себе таймер на один час, чтобы спустя время после нелепого падения еще раз проверить свое состояние. Это, правда, была скорее проверка на сотрясение по студенчески-научному методу, а не медицинскому, ведь максимум, что я могла сделать, это ощупать себя, да осмотреть мир вокруг. Но если вдруг начну видеть портрет Льва Толстого на своем белом потолке – точно сразу же вызываю скорую.

Отмеренный мне час прошел достаточно быстро. Я все еще была здесь, в своей квартире, в сознании и в реальности, слегка опухшая и с возможной шишкой на голове, да с разбитым чувством собственного достоинства. Но пока вроде бы была относительно целая и я, и моя несчастная голова.

Я улеглась в кровать, выключила ночник на тумбочке, расположилась поудобнее, натянула одеяло до ушей и сказала себе, как говорила всегда перед сном:

«Завтра все начнется. Обязательно начнется. Просто еще не сегодня».

Это был мой маленький ритуал, дающий надежду на исполнение мечт. Правда, обычно он не срабатывал или срабатывал далеко не в полную силу.

Глава 3. Вот тебе и доброе утро

Я проснулась внезапно, как если бы кто-то резко выключил сон и включил... оперу? Хор монахов? Звучание чего может быть противоположным звучанию обычной современной жизни? Только что-то максимально странное и неожиданное для пробуждения утром.

Первое, что я поняла, так это то, что вокруг было почти непроглядно темно. Это нельзя было описать, как «рано утром» или «просто шторы не открыты». Было абсолютно, физически темно, как в шахте, где дополнительно решили поэкспериментировать с готикой и сделать ставку на черный цвет.

Я закрыла и открыла глаза, подумав, что это проблема с ними, но ничего не изменилось. Разве что спустя несколько долгих темных минут я могла рассмотреть очертание портьер: это оказались плотные, явно тяжелые занавески в несколько слоев. Именно такие, какие шьют не для уюта, а чтобы не допустить в дом ни единого луча, ни одного намека на день.

В комнате пахло лавандой и свечным воском. И если второе мне нравилось, то лаванда всегда ассоциировалась со средством от моли, которое я терпеть не могла, и теперь размышляла, кто успел завесить мне окна и одновременно нафаршировать комнату этим отвратительным химозным ароматом. Кроме всего прочего, я лежала на огромной кровати, настолько мягкой, что она напоминала облако, набитое пухом и обработанное средствами для стирки марки «Аристократка».

– Ммм... – выдохнула я и попыталась пошевелиться, решив, что пора завязывать с жизнью норного зверя.

Но это тоже оказалось ошибкой, принесшей неожиданное открытие: все то, во что я была одета, явно не принадлежало мне.

Кожей я почувствовала тончайший шелк. Настоящий, а не то полиэстеровое подобие из массмаркета. Он охлаждал кожу, струил-